

ГЛАВА 1

— Попаданка за пять монет! Продается попаданка.. — лениво повторял мой хозяин.

Я с тоской обводила глазами рынок, подергивая цепь на ноге, как привыкла делать за прошедшие три дня. Болтается тут, как не потеревшись.. Это, знаете, словно ковырять болячку.

Никого хоть отдаленно похожего на достойного нового хозяина для меня и в помине не было. Какие-то все оборванцы, явно неспособные добыть себе женщину другим способом, кроме как здесь. А солнце уже вошло в зенит и нестерпимо припекало темечко. Я подумала, что третий день на рынке в качестве экспоната на продажу просто не выдержу!

Что же... будет тогда торговец Симон продавать мой холодный... нет, горячий труп. Стало до слез себя жалко.

Тут рядом с нами остановился толстяк в белой накидке. С сомнением заглянул в кошелек и обратился к хозяину:

— Скидку дашь?

«Только не это, — подумала я. — Ну не могу же я достаться такому жирному скупердюю! Я и так продаюсь по самой низкой цене, а он еще и скидку требует. Да и внешность его сразу отталкивает».

Но он подошел первый, теперь я обречена.. На этом варварском рынке другого мира такие правила. Кто первый подошел — тому и достанется девушка. Если он не откажется в последний момент. Об этом Симон сообщил чуть ли не в первую очередь.

«А этот вряд ли откажется», — с чувством безнадежности подумала я. Взгляды, которые он бросал на меня, выдавали откровенную похоть. Наверное, толстяку нравятся девицы по типу «кожа да кости». Необычно для этих мест. Ведь именно излишняя худоба была причиной, по которой торговец уже третий день не мог меня продать.

Начал с восьми монет. А теперь я шла за пять, как залежавшийся товар. Прежде, чем похотливый толстяк обратил на нас внимание, к нам и вовсе никто не подходил.

Обидно даже! Ведь в нашем мире я считалась красавицей почти модельной внешности! Рост только подкачал, так что на подиум меня не взяли бы.

— Даю десять монет — и девушка моя! — раздался вдруг резкий и властный голос.

Я оглянулась.

Мужчина был хорош. Совершенно не вязался с этим затрапезным провинциальным рынком. Высокий и статный брюнет с пылающими огнем глазами. Жесткий и стремительный, как смерч. Ах...

В богатой одежде — черный пиджак местного покроя. Камзол называется, что ли. С серебряными вензелями. Красиво.

Не будь мое тело измучено палящим зноем, девичье сердечко забилось бы чаще от его мужской харизмы. Сейчас же я подумала лишь о том, что достаться этому красавчику лучше, чем толстому скупердюю.

— Конечно, ваша милость... — залезбил хозяин.

А жирдяй опасливо поглядел на мужчину и тихонько ретировался.

— Вот деньги! — Незнакомец небрежно бросил на прилавок кошелек. — Подготовь ее, и жду вас возле Дома Правосудия!

Развернулся и пошел сквозь толпу. Я изумленно глядела ему вслед. Так просто? Пришел, разогнал всех. Купил по двойной цене. Я что, так ему понравилась?

А мой торговец с каким-то странным сожалением поглядел на меня:

— Не повезло тебе, милая. Прости.

— А чего не повезло-то, Симон? — удивленно спросила я, в очередной раз подергала цепь на ноге... и бросила еще один взгляд вслед удаляющейся высокой фигуре.

Да, движения у мужчины резковаты. Деспот, должно быть. Тиран и деспот.

Симон же достал из-за пазухи ключ и склонился, чтобы растянуть обруч, стягивавший мою щиколотку. Потом, видимо, передумал, поднялся и хитро поглядел на меня.

ПОПАДАНКА ЗА ПЯТЬ МОНЕТ

— Нет, пойдешь так. Сниму перед самым Домом Правосудия — туда нельзя в кандалах. А то при твоём норове сбежишь еще по дороге.

«Эх, — подумала я, представив, как снова придется позорно идти на цепи. — Ладно, потерпим».

— Так чего это мне не повезло-то? — повторила я, а сердце сжалось от какого-то нехорошего предчувствия.

Может, этот красавец с мужской харизмой маньяк какой, а дядя Сима знает об этом?! Только этого не хватало! С того момента, как я попала в этот мир, знала, что попала по полной. Но не настолько же!

«На маньяков мы не договаривались», — прошептала я про себя, не зная, к кому обращаюсь. К своей судьбе, должно быть. Тиран и деспот — еще ладно. Потерплю до возвращения, и только он меня и видел. А может, мои повадки девушки из другого мира понравятся ему, он станет со мной милым и послушным. Как это бывает в книгах фэнтези.

А вот маньяков — не надо. Я их боюсь!

— А ты знаешь, кто это? — удивленно спросил Симон. Потом, видимо, сообразил, что не знаю. — Ах да, ты не знаешь... Это, понимаешь ли, Гадор, ректор-дракон магической Академии. Очень могущественная личность. Стать его женой, конечно, почетно...

— Дракон?! — обрадовалась я. — Настоящий? Превращается и дышит огнем? И меня на шее покатает под небом?

— Настоящий, — устало кивнул мне Симон. — И обращается, и огнем может. И много что еще может. Только вот не читалась ты, милая, дурной литературы. Я всегда говорил: все книги других миров — сплошное забивание мозга для юных девушек. Не будет он тебя на шее катать. А что будет и зачем ты ему понадобилась — непонятно.

— Как так? — огорчилась я. А предчувствие беды стало сильнее. В очередной раз захотелось перегрызть зубами проклятую цепь и броситься наутек. Только зубы жалко. Переломлю, а все одно не перегрызу. — Почему ты думаешь, Симон, что я ему не могла понравиться?

— Ой, да брось! — Симон махнул рукой. — Какое понравиться! Ему, судя по всему, все равно было, как ты выглядишь,

что умеешь. Он на этот рынок пришел, чтобы купить себе в жены попаданку, любую, ту, что будет на прилавке. Чтобы делать с ней все, что угодно. А что ему угодно — я понятия не имею. Вряд ли для продолжения рода он тебя взял. Скорее, для каких-нибудь магических экспериментов. Очень удобно, знаешь ли. Жениться на бесправной попаданке, извращаться над ней, как хочешь, а потом развестись, когда надоест. И никакого тебе выходного пособия, какое он должен был бы дать женщине нашего мира! — посокрушался Симон, словно сам не был «торговцем бесправными попаданками».

Мне стало нехорошо. Потому что я нутром почуяла — Симон прав. Ничего хорошего с этим красавчиком-драконом меня не ждет. Не нужны ему моя добрая душа, непревзойденный интеллект и прелестная внешность. И от версии про маньяка мы недалеко ушли...

Магические эксперименты, видите ли! Брр!

Я посмотрела на Симона и с мольбой воскликнула:

— Так не продавай меня ему! Ты же можешь отказать!

— С ума ты сошла, Анечка! — вновь посокрушался Симон. — Отказать ректору-дракону? Нет, и не уговаривай! Разгневается, превратит еще в кого. В лягушку, например. Тут и поминай как звали торговца Симона...

— А он может, что ли? — с опаской спросила я.

— Что может?

— Превратить. В лягушку. Или в таракана.

Эти животные, как ни странно, жили и в этом мире. Так что мы с Симоном оба понимали, о чем речь.

— Ой, не знаю! Может, и не превратит. Но жизни мне не будет, если откажу. Давай, милая, надевай вот это... Пойдем. Нельзя заставлять ждать такого клиента.

Симон протянул мне длинную белую тряпку, которая служила подвенечным платьем в этом мире.

«Может, все же удастся его уговорить, — подумала я. — Или снимет обруч с ноги — тут я и брошусь бежать. Или опять попробую вырвать цепь из рук Симона».

Хотя в глубине души я понимала, что далеко не убегу. Увидят девчонку с цепью — схватят и отведут к блюстителям порядка. Тут, понимаете ли, нет неучтенных попаданок.

ПОПАДАНКА ЗА ПЯТЬ МОНЕТ

Я надела белую хламиду, символизирующую недолгий статус невесты, а Симон подправил мою прическу, состоявшую из бесконечных завитков, которые спускались к плечам где свободно, а где — в виде своеобразной «баранки».

Подобные чудеса на головах своих подопечных он каждое утро творил сам. Его пухлые пальцы обладали прямо-таки волшебной ловкостью в парикмахерских делах! Так же ловко Симон накладывал на мое лицо макияж — водил кисточками, карандашами. В итоге появлялись лукавые стрелки, а губы казались пухлее от розового блеска. Кстати, он и верно делал даже красивых девушек еще красивее. А некрасивых превращал в симпатичных.

— Опыт, Анечка, опыт, — сообщил Симон, когда я в тот первый день поразила его способностям визажиста.

Тогда я еще пыталась подружиться с ним и уговорить отпустить меня. Ничего не вышло. Да и сейчас вряд ли выйдет. Но попробовать стоит...

Пока он занимался любимым делом, я прильнула к нему поближе и постаралась вытащить из внутреннего кармана ключ. Но воровка из меня была весьма бестолковая. Симон тут же заметил мою попытку, немного ударил по рукам и сказал:

— Ну куда ты побежишь-то, дурочка? Кому ты нужна в нашем мире? Так тебя хоть кормить будут, а одна ты куда денешься? Помрешь ведь в лесу от голода и холода!

Я вздохнула. Может, он и прав. Может, стоит потерпеть два месяца в относительной сытости. Ведь вряд ли ректор-дракон будет морить меня голодом. Или холодом.

Скорее, придумает извращение пострашнее.

Я зябко повела плечами и в который раз принялась умолять:

— Дядя Сим?..

— Я тебе не дядя, а почтенный Симон! У меня есть звезда на плечо за успехи в торговле попаданками и сиротами!

— Дядя Сим... Миленкий, ну не продавай меня ему! Не хочу я быть драконьей женой. Боюсь! Ты же сам меня напугал! Не продавай. Хочешь, я к тебе в служанки пойду? Или визажистом? Научусь всему, буду девкам стрелки рисовать...

— Ну и зачем ты мне в служанках? Я знаю, из какого ты мира. Вы там все избалованные, к работе не приученные.

Хватит уже! Ни за какие деньги я не соглашусь пойти против ректора-дракона! — закончил он, словно я предлагала ему взятку.

В общем, всю дорогу к Дому Правосудия, где свершались всякие гражданские церемонии, в том числе заключались браки, я продолжала ныть: «Дядя Сима, ну дядя Сима... Ну не продавай, а?!» А Симон вздыхал и поддегивал цепь. Прохожие усмехались и с укоризной глядели на упрямую попаданку, не понимающую «своего блага».

Когда через толпу на площади мы приблизились к высокому белому зданию, я поняла, что остается последний шанс.

Не могу я пойти в жены к опасному мужику, то бишь в рабство! Лучше уж действительно помирать от голода и холода в лесу. Или стать лесной ведьмой. Я, знаете ли, гордая, к рабской доле не приученная! Я русская, а русские не сдаются.

Да и маньяков-ректоров боюсь больше физических страданий.

Я огляделась. Возле входа в Дом Правосудия стояло несколько пар. И трое мужчин, ожидавших, когда к ним подведут будущих жен, приобретенных у родителей или на рынке. Ректор же еще не пришел.

Слава богу!

«Так, давай, Сима, освобождай меня!» Я постаралась сделать невинно-несчастное лицо, чтобы Симон не заподозрил о моих планах. Заплакать не получилось, но я надеялась, что выражение моего лица достаточно напоминает морду котика из «Шрека».

— Не расстраивайся ты так! Может, я и не прав. Может, ты и верно ему приглянулась по-настоящему! — сказал Симон и ободряюще похлопал меня по плечу. — Давай, Анечка, соберись, ты замуж выходишь, а не мать хоронишь...

От его слов и искренней крокодильей жалости у меня и верно потекли по щекам слезы.

— Эх... — вздохнул Симон, смахнул выступившую у него слезу и, стараясь не глядеть на мое зареванное лицо, склонился, чтобы снять кандалы.

Еще миг — и я должна была бы ощутить свободу в правой щиколотке. Рвануть в сторону, пытаюсь убежать от своей горькой участи... но ощущения в ноге не менялись.

ПОПАДАНКА ЗА ПЯТЬ МОНЕТ

Симон возился удивительно долго, а потом привстал.

— Проклятье! Замок заклинило! Чтоб камбезики сожрали это древнее железо! Не нужно было жалеть денег на новые кандалы! — выругался он.

— Вот, дядя Симон! — назидательно подняла я палец вверх. — Сама судьба против того, чтоб я вошла в этот Дом и стала женой дракона. Отпусти меня, а?

— Молчи, попаданка! — с наигранным гневом ответил Симон, снова склонился к моей ноге и принялся ковырять ключом в замке, приговаривая: — И что же нам делать... Ведь в кандалах не пустят. Скажут, что оскверняем стены древнего Дома Правосудия. Ох-ох, Анечка! И как же быть? Ведь ректор-дракон разгневется, превратит меня в таракана..

— А может, в камбезика? — ехидно переспросила я, хоть понятия не имела, что это за тварь такая.

— Это еще хуже!

Тут, как совсем недавно, раздался все тот же властный голос:

— Что за проблемы? Невеста должна быть готова уже сейчас. У меня мало времени.

Я подняла глаза.

Гадор стоял прямо рядом с нами, брови его сошлись над переносицей, лицо выражало страшную строгость.

А я ощутила нечто странное — то ли страх, то ли какое-то другое, более сложное чувство. Сердце мое екнуло и тонко забилось под ключицей. Ноги странно ослабли.

«Ах, ваша милость, это судьба мешает мне стать вашей женой...» — хотела сказать я, но почему-то не смогла.

А Симон задрожал:

— Ваша милость... Простите старого дурака! Ключ в замке заклинило.

— Ах это! — небрежно бросил дракон, одной рукой отодвинул Симона, а другую направил в сторону замка. В тот же момент замок щелкнул, высвобождая мою ногу.

Я ощутила свободу, смешанную с легкой болью в ноге, и инстинктивно подняла стопу вверх, чтобы размять. Пошатнулась. Поза цапли явно не получалась.

Сильная жесткая рука тут же поддержала меня под локоть.

ЛИДИЯ МИЛЕНИНА

— Если что-то болит — лечить будем потом, — жестко сказал Гадор. — У меня действительно мало времени. Пойдем жениться. Торговец, как зовут девушку?

— Анечка... — робко ответил Симон. — Простите... Анна. Она...

Гадор поднял руку в останавливающем жесте:

— Подробности я узнаю сам. Ты свободен, торговец.

Ловким движением извлек из кармана еще одну монету и бросил ее Симону:

— Вот тебе еще за работу. Прощай.

И, все так же придерживая за локоть, потащил меня вверх по лестнице.

Язык прилип к гортани. Я почему-то не могла ничего сказать, словно была нашкодившим ребенком, которого отец взял за ухо и ведет в угол, а каждое слово может свидетельствовать против него.

Я оглядывалась туда, где стоял Симон. Казалось, что при расставании с добродушным и меркантильным торговцем моя прежняя жизнь окончательно уходит в прошлое.

Дядя Сима еще был ничего. А чего ждать от этого... брр... ящера-оборотня?

Все. Черта перейдена.

Полное попадание состоялось. В смысле, попасть сильнее, наверное, уже невозможно. Я в руках незнакомого, жесткого и опасного мужчины. Дракона. Мага.

— Перестань крутить головой. Это неприлично. А у меня нет времени учить тебя хорошим манерам, — бросил ректор. И вдруг добавил со странной кривой улыбкой: — Анечка.

Словно пробовал мое имя на вкус.

ГЛАВА 2

— Ну чего ты так переживаешь? — с сочувствием поглядела на меня Машка из третьей группы.

Мы уже целых десять минут стояли в главном коридоре университета, и я живописала, как второй раз не смогла сдать квантовую физику, а заодно красочно проклинала тот день,

ПОПАДАНКА ЗА ПЯТЬ МОНЕТ

когда решила поступить на физфак. В те времена мне казалось, что я могу горы свернуть, мой острый ум легко освоит любые законы физики и другие точные науки.

До четвертого курса я доучилась. Но скольких нервов мне это стоило! Скольких интеллектуальных усилий. Ах, не для того меня мама нежную растила! А еще она говорила, что в физике женщине не место. Хотя как раз чтобы доказать, что не хуже брата, я и пошла сюда.

Почти доказала. И доказала бы полностью, если бы не один очень вредный преподаватель.

Звали его Борис Семенович. А прозвище — Эйнштейн. Лет ему было около ста. Он носил противную бороду, торчавшую клочками, и с первой лекции буравил нас подозревающим взглядом, словно уже сейчас вычислял того, кто будет списывать на экзамене.

Списывать я умела мастерски! Вот вы знаете, где можно спрятать шпору? Правильно — в туфельке. А потом ловко наклониться и вытащить, как будто изящно поправляешь обувь. А можно проще. Распустить волосы, так, чтобы было не видно ухо. Вставить беспроводной наушник и незаметно включить на телефоне аудио с ответом на экзаменационный вопрос.

Я умела это все и многое другое. Порой обходилась и без подобных ухищрений, потому что многое понимала и знала не хуже Васьки-Ньютона из седьмой группы.

Но на экзамене у Эйнштейна мне не помогло ничего. Ходили слухи, что он не любит немногочисленных девушек-физиков, а может, мне просто не повезло. Борис завалил меня и на первом экзамене, и на пересдаче.

— Чего переживаю? Так если еще раз не сдам, вылечу с четвертого — ты понимаешь? — четвертого курса! — ответила я Машке.

Машке повезло больше. Ее Эйнштейн погонял и в хвост и в гриву, но три поставил, добавив: «Дурочка, но ладно уж, учись дальше! Все одно потом секретаршей будешь работать!»

— Брось! Не вылетишь! В крайнем случае — напишешь апелляцию. Сейчас с этим легко, — сообщила Машка. — А вообще, знаешь что? Анька, я придумала! Выход есть! В прошлом году Кирюха и Сеня тоже никак не могли сдать. А потом...

сходили к нему в лабораторию как будто бы поинтересоваться его экспериментами. Уважить старичка. И что ты думаешь? Он предложил им поучаствовать в каких-то квантовых экспериментах. Уж не знаю, для чего ему люди на этих экспериментах, но Кирюха и Сенька были страшно довольны! Ведь за участие получили по пятерке!

— Коррупционер старый! — криво улыбнулась я. — За участие в экспериментах он пятерки ставит! Это его гнать поганой метлой нужно... на пенсию.

— Тихо ты! Там вон декан идет! — засмеялась Машка, оглядываясь, и оттащила меня в сторону. — Пойди к нему вечером в лабу. Мол, такие у вас были интересные лекции, очень интересно, чем вы занимаетесь... говорят, вас на Нобеля номинировать хотели. Наведи мосты.

— Машка, ты гений! — Я чмокнула подругу в щечку. — Все же мы, девчонки, — это сила! Только что видела и Кирюху, и Сеню, а ни один из них мне этого не посоветовал!

Тем же вечером я действительно отправилась наводить мосты к Эйнштейну. «Лаба» представляла собой небольшое помещение, в котором царил рабочий беспорядок. Новейшее оборудование и дорожные приборы чередовались с валяющимися на полу проводками и упавшими старыми дискетами (ума не приложу, зачем они Эйнштейну?).

Было открыто, я тихонько прошла сквозь одну заваленную комнату во вторую.

Эйнштейн и верно был на рабочем месте. Двигалась я очень тихо, но старый лис услышал. Поднял лицо от бумажки, иска поглядел на меня и с легкой ехидцей сказал:

— О, пришла! Экзамен хочешь, да? Сильно хочешь? Отвечай честно!

Тут-то я и поняла, что все мои планы по ловкому «наведению мостов» летят в тартарары. Эйнштейн разгадал меня. Вернее — он просто поджидал меня. Знал, что приду, поганец квантовый!

Под его острым взглядом я поняла, что нужно говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

— Очень хочу, — честно сказала я, чувствуя себя какой-то идиоткой-первокурсницей. — Очень обидно вылететь из уни-

ПОПАДАНКА ЗА ПЯТЬ МОНЕТ

верситета за год до защиты. Я старалась хорошо учиться все четыре курса.

— Похвально... — пробубнил Эйнштейн, встал и подвинул мне стул, на котором валялись очередные проводочки. Небрежно стряхнул их на пол. — Ты садись... Как тебя зовут? Аня, да?

— Да, Борис Семенович.

— Садись, Анечка, поговорим.

«Будет снова пытаться на предмет теории бран, которую я не понимаю, потому что ее вообще никто не понимает! — подумала я. — Или все же предложит поучаствовать в экспериментах в обмен на экзамен?»

Тогда я, пожалуй, соглашусь. Нехорошо, но я живой человек и вылетать из-за строгих принципов не собираюсь.

— Чай будешь, Анечка? — вдруг засуетился он и отправился в дальнюю часть комнаты.

— Нет, Борис Семенович, я вообще-то хотела спросить, можно ли мне как-то... ну, может быть.. еще пересдать. Не очень официально.

— Ладно тогда. Без чаю так без чаю... — пробубнил Эйнштейн и вернулся на свое место. — Значит, ты хочешь неофициально. Что ж, это возможно. — Его взгляд вдруг стал особенно острым и совсем не стариковским. — Ты смотрела сериал «Столик в углу»? — спросил он.

Что?! Я чуть не упала со стула. «Столик в углу»? Малоизвестный минисериал не для всех. Без спецэффектов и раскрученных актеров. Но очень хороший. С мистическим сюжетом.

И я его смотрела.

Но то, что его смотрел пожилой дядя Эйнштейн, — просто невероятно!

— Да, я его смотрела. Один из любимых, — ответила я.

— О, отлично! Тогда поймешь, о чем я! — обрадовался Эйнштейн и по-стариковски мелко захихикал. — Помнишь, там герой сидит со своей волшебной книгой за столиком в кафе, к нему приходят люди — каждый со своим желанием. И он, глядя в книгу, говорит: «Что же... это возможно. Для этого вы должны...» — и сообщает, что они должны сделать, чтобы их желание сбылось. Ты хочешь зачтенный экзамен. Даже